

М. А. Руднев*Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара***ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ СУДЬБА СЛАВЯНОФИЛЬСТВА
КАК «ИНДИКАТОР» ПОНЯТИЯ «РУССКИЙ КОНСЕРВАТИЗМ»**

На матеріалі праць вітчизняних і зарубіжних істориків російської суспільної думки здійснено аналітичний огляд основних історіографічних версій «консервативної» ідентифікації слов'янофільської ідеології, що розглядається автором статті як семантичний «індикатор» поняття «російський консерватизм».

Ключові слова: слов'янофільство, російський консерватизм, лібералізм, ідентифікація, концепція.

На материале работ отечественных и зарубежных историков русской общественной мысли осуществлен аналитический обзор основных историографических версий «консервативной» идентификации идеологии славянофильства, рассматриваемой автором статьи как семантический «индикатор» понятия «русский консерватизм».

Ключевые слова: славянофильство, русский консерватизм, либерализм, идентификация, концепция.

The fundamental versions of the «conservative» identification of the Slavophile's ideology that represented in the works devoted to the history of the Russian social thought were examined and analysed on this article.

Key words: Slavophiles, Russian conservatism, liberalism, identification, conception.

Одной из ключевых и неизбежно актуальных задач историка русского консерватизма является семантическая интерпретация объекта исследования и, в идеале, как можно более точное определение его содержательных рамок. В этой связи особое значение приобретает проблема историко-политологической идентификации тех идеологических феноменов, которые, в силу своей многомерности и хронологической длительности, представляют собой своеобразные «промежуточные формы», не поддающиеся однозначной идентификационной оценке по линии водораздела «консерватизм – либерализм», и служат очевидным информационным поводом для продолжительных научных (научно-публицистических) дискуссий.

Среди подобных феноменов русской общественной мысли и духовной культуры ключевое место принадлежит идеологии раннего или «классического» славянофильства, начало которой приходится на 1838–1839 гг., когда состоялся обмен программными посланиями между А. С. Хомяковым («О старом и новом») и И. В. Киреевским («В ответ А. С. Хомякову»), определившими основные идейные позиции славянофильского учения и объединившими вокруг себя коллектив единомышленников (братья К. С. и И. С. Аксаковы, П. В. Киреевский, А. И. Кошелев, Ю. Ф. Самарин и др.).

Что касается интересующей нас проблемы историко-политологической идентификации, то, по авторитетному заключению профессора Днепропетровского университета, автора монографического трактата «Нариси з історії громадської самосвідомості (суспільна думка України та Росії XI–XIX ст.)» (Д., 2008), А. Г. Болебруха, если общественно-политическую концепцию их оппонентов-западников «в історіографії в цілому розглядали як прогресивну, спрямовану на реформування феодально-кріпосницького ладу Росії», то «слов'янофільські... погляди оцінювали у дуже широкому діапазоні: від послідовного демократизму до реакційності» [1, с. 350]. «Навіть у другій половині XX ст. література пропонувала

дві трактовки слов'янофільської ідеології», – отмечает А. Г. Болебрух, – «консерватизм, ретроградство, ворожість до Заходу в ній підкреслювали А. Г. Дементьев, М. А. Цаголов, П. І. Ляшенко, В. І. Кулешів та ін.; ліберальну буржуазність – С. С. Дмитрієв, Ш. М. Левин, М. Г. Сладкевич, В. І. Порох, В. О. Китаєв, Є. О. Дудзинська, М. І. Цимбаєв та ін.» [1, с. 350]. По утвердженню дніпропетровського історика, «остання («либеральная» - М. Р.) трактовка утвердилась і в зарубіжній інтелектуальній історії» (новейшим примером чего является статья современного итальянского слависта Г. Карпи под названием «Были славянофилы либералами?» («Вопросы истории», 2002, № 9)) [1, 350].

Совершенно очевидно, что исчерпывающий аналитический обзор историко-политологических интерпретаций идеологии славянофильства – в максимально широком диапазоне (от «охранительного консерватизма» до «либерального прогрессизма») и в их конкретном многообразии – намного превышает объем отдельной статьи. Поэтому в данном случае главным предметом нашего исследовательского внимания выступают наиболее значительные опыты «консервативной» идентификации славянофильского учения. В свою очередь, их анализ и верификация, осуществляемые в единых тематических рамках историографии русского «допартийного» консерватизма, могут служить своеобразным семантическим «индикатором» этого многомерного и весьма дискуссионного понятия, в значительной мере конкретизирующим и уточняющим его умозрительную модель («идеальный тип»).

Первая значимая в научно-идеологическом отношении попытка «консервативной» идентификации идеологии раннего славянофильства была предпринята Г. В. Плехановым в статье «М. П. Погодин и борьба классов» (1911). По словам основоположника русского марксизма, основной целью его работы является полемика с «очень распространенным мнением» (главным представителем которого он называет А. Н. Пыпина) о том, что «взгляды М. П. Погодина и близкого к нему С. П. Шевырева коренным образом отличаются от славянофильства...» [9, с. 28]. Со своей стороны Г. В. Плеханов решительно утверждает, что «славянофильство А. С. Хомякова могло отличаться от «официальной народности» Погодина и Шевырева теми или иными видовыми признаками, но эти два учения имели одинаковые родовые признаки» [9, с. 31]. В подтверждение своего ключевого тезиса о «кровном родстве славянофильской теории с теорией официальной народности» он напоминает о том общеизвестном факте (который, впрочем, никогда не подвергался сомнению самыми решительными приверженцами «либеральной» идентификации славянофильства), что «славянофилы всегда были самыми убежденными монархистами» [9, с. 65].

Гораздо более весомые аргументы Г. В. Плеханова в пользу идейного тождества раннего славянофильства и «теории официальной народности» касаются историософских воззрений их адептов, в частности, позиции в «таком коренном вопросе, как вопрос об отношении России к Западу»: «В основе теории «официальной народности», – а также и ее весьма близкой родственницы, теории славянофилов – лежит известное представление о счастливых особенностях русского «общественного устройства» (имеется в виду известный историософский постулат об отсутствии в России социально-классового антагонизма) [9, с. 30–31, 48].

Не отрицая определенной идейной специфики, присущей каждой из теорий «родственников», Г. В. Плеханов, в духе исповедуемой им раннемарксистской социологии, объясняет ее ментальными различиями между дворянами-славянофилами и «разночинцами» М. П. Погодиным и С. П. Шевыревым: «Славянофильство и теория официальной народности представляют собою по существу одно и то же учение, одинаково дорогое некоторым идеологам двух общественных слоев, но различно понимаемое ими, сообразно различному положению представляемых ими слоев в обществе: славянофилы – дворяне, Погодин – разночинец» [9, с. 64].

По словам польского историка А. Валицкого, для Г. В. Плеханова «вся різниця зводилася до разуючої для слов'янофілів грубості Погодіна, а також до більшої незалежності, яку могли собі дозволити представники освіченої та матеріально забезпеченої знаті» [2, с. 56].

Нетрудно предположить, что плехановский постулат о реакционности славянофильства и о его практически полном тождестве с «теорией официальной народности» безраздельно преобладал в советской исторической науке 1920–1930-х гг., как во время доминирования т. н. «школы Покровского», так и после сталинского «термидора» в культурно-идеологической сфере. Первой попыткой частичного пересмотра столь однозначной «обвинительной» трактовки стала статья С. С. Дмитриева «Славянофилы и славянофильство (Из истории русской общественной мысли середины XIX века)», впервые прозвучавшая в виде доклада и затем опубликованная в журнале «Историк-марксист» (1941, № 1), однако, согласно редакционному извещению, лишь «в порядке обсуждения». При этом основополагающий тезис о «консервативном характере» славянофильского учения не подвергается в ней сомнению: «Объективно, несмотря на смешение в славянофильстве сторон относительно прогрессивных и реакционных, в общем движении русской общественной мысли середины прошлого века славянофильская теория имела консервативный характер» [4, с. 96]. Новизна и «еретичество» концептуальной позиции С. С. Дмитриева (разумеется, в жесткой «системе координат» советской исторической науки сталинской эпохи) заключалась в решительном отвержении плехановского постулата о полном тождестве учения славянофилов с «теорией официальной народности»: «Противоречивость славянофильства, наличие в нем целого ряда относительно прогрессивных для своего времени устремлений ни в какой степени не позволяют отождествлять славянофильство с «теорией официальной народности». Только в отдельных случаях имело место внешнее сходство, но в целом это были различные системы взглядов» [4, с. 96]. В обоснование своей точки зрения С. С. Дмитриев максимально акцентирует внутреннюю противоречивость славянофильской доктрины, противопоставляя ей идейную «монolithicность» «теории официальной народности» (точнее, ее крайне примитивного памфлетного образа): «Славянофильство было противоречиво, включало и реакционные и прогрессивные стороны, признавало известное движение вперед, требовало существенных перемен; «теория официальной народности» была монолитна, едина, кургуза ограничена в своем единстве, реакционно-охранительна, не допускала никакого движения вперед, ни малейших изменений в существующей русской действительности» [4, с. 96].

Примечательным историографическим фактом стало обсуждение доклада С. С. Дмитриева в редакции журнала «Историк-марксист», вылившееся в «большую оживленную дискуссию», тезисное изложение которой было опубликовано в том же номере журнала. В заключительном слове докладчик привел еще один очевидный аргумент в подтверждение своей неконформистской позиции: «Славянофилы уже в конце 1830-х годов ставили вопрос об отмене крепостного права, а Погодин еще в 1850-х годах стоял за сохранение крепостного права» [8, с. 100].

Еще больший историографический интерес представляет то обстоятельство, что среди пятнадцати участников обсуждения наиболее «ортодоксальную» позицию (в сущности идентичную плехановской концепции) занимал один из крупнейших советских историков Н. М. Дружинин, который в 1929 г. сам подвергся идеологическим нападкам со стороны М. Н. Покровского и его приспешников за отказ от «крепостнической» идентификации «Журнала землевладельцев» (1858–1860) и характеристику этого «помещичьего органа» как либерально-реформистского издания. В дискуссии 1941 г. будущий академик ничтоже сумняшеся характеризовал славянофильство как в целом «реакционную, феодальную идеологию»: «Преобладание в нем реакционных, феодальных черт сказалось в

том, что именно эти черты оказались более живучими и продолжали существовать и развиваться тогда, когда относительно прогрессивные черты уже выветрились» [8, с. 98].

Среди выступлений участников дискуссии, которые поддержали позицию С. С. Дмитриева, обращает на себя внимание попытка Е. А. Мороховца «графически» точно определить местоположение славянофильства в ряду других направлений общественной мысли николаевской эпохи, двигаясь «справа налево»: «Славянофильство и является промежуточным направлением между теорией официальной народности и правым крылом западничества» [8, с. 98]. Более того, видный историк-аграрник, солидаризировавшийся с С. С. Дмитриевым, резюмировал свое весьма смелое по тем временам выступление выводом о том, что «славянофильство в силу его противоречивости нельзя характеризовать в целом как реакционное или прогрессивное течение: в нем было переплетение реакционных черт с прогрессивными, феодальных – с буржуазными» [8, с. 98].

В 1970–1980-х годах в советской историографии славянофильства очевидным образом доминировала его «либеральная» идентификация, присутствующая в таких обобщающих монографических трудах, как «Славянофильство» (1986) Н. И. Цимбаева и «Славянофилы в общественной борьбе» (1983) Е. А. Дудзинской. Говоря о «либерализме» славянофилов, названные авторы рассматривают данное понятие с формационной точки зрения – как приверженность т. н. «буржуазному» пути развития России. По словам итальянского слависта Гвидо Кампи, «в советской политической [? – М. Р.] науке было принято сводить либеральную идеологию к чисто экономической программе: слово «либерал» являлось ни больше ни меньше, как синонимом ревнителя капитализма» [5, с. 113]. Соответственно, Е. А. Дудзинская и Н. И. Цимбаев «показали, что славянофилы (или, по крайней мере, младшее их поколение [славянофилы, дожившие до Великих реформ 1860-х годов – М. Р.]), считали развитие капиталистических отношений в России неизбежным и даже желательным» [5, с. 113].

Концептуальный тезис о либеральной направленности славянофильского учения получил дальнейшее развитие и принял более радикальный характер в новейших работах Н. И. Цимбаева. В частности, в синтетическом курсе «История России XVIII–XIX веков» (М., 2006), написанном им совместно с академиком Л. В. Миловым, говорится о том, что «славянофильство и западничество, возникшие в условиях кризиса крепостных отношений, отразили попытки деятелей раннего российского либерализма создать целостные концепции преобразования страны» [7, с. 540]. Согласно заключению Н. И. Цимбаева (мягко говоря, малооригинальному для историографической ситуации 2000-х годов), «в основе своей спор западников и славянофилов был спором о выборе пути предстоящих буржуазных [! – М. Р.] преобразований...», в котором А. С. Хомяков «излагал программу либеральных перемен, переведенную на язык исторических воспоминаний» [7, с. 540, 543]. Что касается славянофильского кружка в целом, то, по версии российского историка «старой школы», «его члены были хранителями либеральной традиции», выступая в «роли общественной оппозиции правительству» [7, с. 543].

«Либеральная» идентификация идеологии раннего славянофильства очевидным образом преобладает и в современной украинской исторической науке. В цитированном трактате А. Г. Болебруха «Нариси з історії громадської самосвідомості (суспільна думка України та Росії XI–XIX ст.» (Д., 2008) и славянофилы, и западники рассматриваются как представители двух «либеральных течений» общественной мысли, которые «репрезентували народжену в 30–40 роках ліберальну ідеологію у двох, досить не схожих іпостасях», поскольку они «обґрунтовували, хоч і по-різному, необхідність докорінного реформування вітчизняної дійсності» [1, с. 551]. По заключению днепропетровско-

го історика, «...західників і слов'янофілів зближувало критичне ставлення до миколаївської Росії, розуміння назрілості докорінних перетворень та неприйняття революційного способу їх проведення», хоча, розумеється, їх «роз'єднували не менш принципові моменти» [1, с. 355]. В частности, речь йде о том аксіоматичном факте, что славянофилы, будучи приверженцами модернизации России, «переконували суспільство у необхідності його оздоровлення не шляхом запозичення європейських принципів соціального ладу, а шляхом осмислення та осучаснення національних традицій співжиття» [1, с. 351–352].

По мнению итальянского историка-слависта Гв. Карпи, в настоящее время главная задача историка общественной мысли, приверженного «либеральной» трактовке славянофильской идеологии, состоит «не столько в том, чтобы – на основе какого-либо заранее готового определения «либерализма» – установить, были ли славянофилы либералами (и если да, то до какой степени), сколько в анализе особых политических обстоятельств, при которых группа ярких и отнюдь не склонных к парадоксам мыслителей и деятелей считала возможным, пожалуй даже и необходимым, взять за основу либеральной программы преобразований такие идеологические и философские категории, которые в Западной Европе (и в самой России несколько десятилетий спустя) могли бы служить опорой лишь для крайней антилиберальной реакции» [5, с. 144].

В то же время историографическая версия о консерватизме раннего славянофильства пережила свое «второе рождение» в зарубежной русистике. Речь идет о классической работе А. Валицкого «W Kregu Konserwatywnej utopji», впервые опубликованной в 1964 г. в Варшаве, а в 1998 г. изданной в переводе на украинский язык под названием «В поліні консервативної утопії: структура і видозміни російського слов'янофільства» (К., 1998). Исходный концептуальный тезис польского историка и культуролога о консервативном характере славянофильского учения целиком и полностью определяется его интерпретацией понятия «консерватизм». Формулируя свою методологическую позицию, А. Валицкий говорит о двух возможных определениях консерватизма: «ситуативном (функциональном)» и «содержательном». «У першому випадку йдеться про людей не схильних до змін (у цьому сенсі можна говорити про консервативних лібералів чи консервативних комуністів), про ідеології, які щодо існуючої реальної дійсності виконують консервативну функцію», – поясняє А. Валицкий. – «В другому випадку маються на увазі ідеології, окреслені під кутом зору їх суспільного змісту, незалежно від функції, яку саме тепер вони виконують» [2, с. 12]. Кроме того, оба определения «можуть бути або неісторичні, або відносно історичні» [2, с. 13].

Польский историк оставляет предложенную им классификацию без каких-либо дополнительных пояснений, лишь отмечая, что для его работы «характерным є вживання слова «консерватизм» у відносно історичному змістовому значенні, а також розрізнення консервативних ідеологій та консервативних світоглядів» [2, с. 13]. В монографії А. Валицкого речь йде о консерватизме как «целостном мировоззрении» (а не «идеологии»), которое в конечном итоге «привычно» определяется как «выразный стиль мышления, протиставлений буржуазному лібералізму й раціоналістично-індивідуалістичній філософії Просвітництва стиль, що сформувався в результаті реакції на Французьку революцію й англійську промислову революцію» [2, с. 13]. Его «классический пример» польский историк усматривает в «консервативному романтизмі, внутрішньо вельми розмаїтій філософській, політичній й ліберальній (?? – очевидно, помилка в перекладі – М. Р.) течії, представлений в Росії – в особливому, оригінальному варіанті – слов'янофільськими мислителями» [2, с. 13].

По собственному определению А. Валицкого, «самым общим результатом» его исследования стало «твердження про те, що в подібні слов'янофільства ми маємо

справу вже не з тією чи тією консервативною суспільно-політичною ідеологією, а з консерватизмом як цілісним явищем, як «стилем мислення...» [2, с. 15]. В другому випадку він характеризує учиння раннях славянофілів як «цілісний образ світу – антикапіталістичну утопію, пересичену соціологічним змістом, але трансцендентну щодо безпосередніх, егоїстичних класових інтересів» [2, с. 19].

В сучасній російській історичній науці «консервативна» ідентифікація раннього славянофільства, котра нині може казатися очевидним концептуальним анахронізмом, несподівано обрела «второе дыхание» в статті П. Л. Котова «Пути русского консерватизма 1840–1850-х гг.: старшие славянофилы и Аполлон Григорьев» («Вестник Московского университета. Серия 8. История». – 2001. – № 3). Московський дослідник, декларуючи свою приверженість концепції А. Валицького, виділяє в російській консервативній думці розглядаваного ним періода два течення, котрі визначає як «політичне» і «соціальне»: «Представителем первого, в центре которого стояла проблема государства, был М. Погодин, продолжавший традиции М. Щербатова и Н. Карамзина. Социальное же направление, с главным для него вопросом о личности, выразилось в работах Григорьева и старших славянофилов» [6, с. 58]. Примітно, що П. Л. Котов, учинчески слідуючи за А. Валицьким, розглядає «соціальний» консерватизм раннях славянофілів (в відміння від «політичного» консерватизма, історія котрого починається со другої половини XVIII в.) як «непосредственный результат культурной европеизации, результат появления среди образованных слоев людей с рационализированным самосознанием...» [6, с. 58].

По його мненню, головним ідейним пріоритетом для «соціальних» консерваторів був «вопрос о формализации человеческих отношений и отчуждении человека» [6, с. 59]. Подібний висновок можна розглядати як констатацію того концептуально значимого факта, що «соціальний» консерватизм славянофілів мав в першу чергу історіософську і «антропологічну», а не суспільно-політичну направленість. Вмєстє з тем при характеристиці славянофільського учиння представляється більш коректним вести рєч не о «консерватизмє» (по крайній мєрє, в іспользуємой нами конкретно-історическої трактовкє данного поняття), а о «традиціоналізмє». Отстаивая воспринятую им у А. Валицького «консервативную» ідентифікацію раннього славянофільства, П. Л. Котов слєдуючим образом інтерпрєтує активну ліберальну позицію його представитєлєв в період підготовки і проведення Великих реформ Александра II: «Старшие славянофилы поддерживали либеральные стремления, поскольку считали, что с их помощью смогут нейтрализовать последствия петровских преобразований (через отмену крепостного права, создание земств и т. д.) – преодолеть институционально закреплённый разрыв дворянства и народа и тем самым вернуться на «точку органичности». Соответственно, их либерализм выразился только в методах, т.е. был функциональным, поскольку цели их оставались консервативными» [6, с. 70]. С нашої точки зрення, висновок П. Л. Котова о «консервативних цєлях» раннях славянофілів може считатися правомірним применительно к их философско-историческим и социально-философским воззрениям, однако не имеет непосредственного отношения к их общественно-политической «программе».

Ітоговий висновок російського епігона А. Валицького о том, що «в конечном итоге позиция раннях славянофілів трансформировалась в економісний [? – М. Р.] консерватизм Юрия Самарина и Ивана Аксакова» [6, с. 70] представляється нам голословним і требуючим підкрєплення конкретно-історическої аргументацією.

В качестве примера промежуточной позиции в вопросе о направленческой идентификации раннего славянофільства можно указать на беглую характери-

стику славянофильской доктрины в коллективной монографии «Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика» (М., 2000). Р. Г. Эймонтова фиксирует ощутимое присутствие в ней таких «заметных консервативных элементов» как «приверженность национальным русским традициям, православию, патриархальным нравам, монархии (в форме идеала земского царя), отрицательное отношение к рационализму и вообще характеру западноевропейского просвещения» [3, с. 164]. Одновременно исследовательница отмечает, что «консервативные тенденции переплетались у славянофилов с либеральными: неприятие крепостного права и полицейского деспотизма не менее для них характерно» [3, с. 164]. В частности она напоминает о том, что славянофилы «выступали в защиту свободы мнения и сомнения, свободы слова» [3, с. 164]. К сожалению, постсоветская исследовательница-«традиционалистка» обошла стороной вопрос об «онтологической» природе консервативных и либеральных элементов славянофильского учения, первые из которых, по нашему глубокому убеждению, относятся к сфере философско-исторического дискурса и литературно-художественного творчества, а вторые представляли собой вполне реалистичную социально-политическую «программу».

С точки зрения Г. Карпи, на сегодняшний день любые наличные версии «консервативной» трактовки славянофильской идеологии в своем итоговом логическом развитии неизбежно приводят их авторов и приверженцев лишь к двум возможным «зеркально-противоположным диагнозам» славянофильской «шизофрении», которые определяются им следующим образом: «либо «буржуазно-либеральная» общественно-политическая программа, которая возникает и реализуется «вопреки» консервативному утопизму, либо утопически-консервативный «образ мысли», который «превращается в своеобразный вариант крупнопоместного пути развития» (цитата из книги А. Валицкого – М. Р.) [5, с. 114]. Однако, по аксиоматичному заключению итальянского историка-русиста, сами славянофилы «о подобном «расколе» между теорией и практикой и не подозревали, считая, наоборот, свое мировоззрение единственно целесообразной теоретической основой для «настоящего» либерального реформизма в России» [5, с. 114].

В заключение считаем необходимым более точно обозначить собственную концептуальную позицию в проблеме идентификации славянофильской идеологии по линии водораздела «консерватизм - либерализм». Заявленная точка зрения состоит в признании принципиального несоответствия славянофильства общепринятой историко-политологической модели русского консерватизма и в солидарности с «либеральной» интерпретацией учения ранних славянофилов, преобладающей в новейшей и современной историографии. Признавая убедительность и даже аксиоматичность ключевого тезиса А. Валицкого о консерватизме славянофильского «стиля мышления», мы считаем более уместным в данном случае использование термина «традиционализм», который гораздо точнее характеризует «ретроспективный» характер философско-исторического идеала носителей названного стиля, чья позиция в отношении конкретных и злободневных социально-политических проблем своего времени имела отчетливо либеральную (реформистскую) направленность.

Дальнейшее рассмотрение данного историографического («интерпретационного») сюжета открывает дополнительные возможности (как сугубо фактологического, так и теоретико-методологического характера) для всестороннего семантического осмысления и верификации понятия «русский консерватизм», в том числе – определения его «родовой» специфики в общеевропейском контексте и научно аргументированного размежевания различных «промежуточных» идеологических форм («либерально-консервативного» или «консервативно-либерального» характера).

Библиографические ссылки

1. **Болебрух А. Г.** Нариси з історії громадської самосвідомості (суспільна думка України та Росії XI–XIX ст.) / А. Г. Бolečурух. – Д., 2008.
2. **Валіцький А.** В полоні консервативної утопії: Структура і видозміни російського слов'янофільства / А. Валіцький. – К., 1998.
3. **Гросул В. Я.** Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика / В. Я. Гросул, Б. С. Итенберг, В. А. Твардовская. – М., 2000.
4. **Дмитриев С. С.** Славянофилы и славянофильство (Из истории русской общественной мысли середины XIX века) / С. С. Дмитриев // Историк-марксист. – 1941. – № 1. – С. 85–97.
5. **Карпи Г.** Были ли славянофилы либералами? / Г. Карпи // Вопросы истории. – 2002. – № 9. – С. 112–119.
6. **Котов П. Л.** Пути русского консерватизма 1840–1850-х годов: старшие славянофилы и Аполлон Григорьев / П. Л. Котов // Вестник Моск. ун-та. Сер. 8. История. – 2001. – № 3. – С. 56–70.
7. **Милов Л. В.** История России XVIII–XIX веков / Л. В. Милов, Н. И. Цимбаев. – М., 2006.
8. Обсуждение доклада С. С. Дмитриева // Историк-марксист. – 1941. – № 1. – С. 97–100.
9. **Плеханов Г. В.** Погодин и борьба классов / Г. В. Плеханов // Плеханов Г. В. Очерки по истории русской общественной мысли XIX века. – Пг., 1923. – С. 28–67.

Надійшла до редколегії 03.12.2009.

УДК 930.1«19»

Т. В. Портнова

Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара

СУЧАСНА ІСТОРІОГРАФІЯ ІСТОРІЇ УКРАЇНСЬКОГО СЕЛЯНСТВА ДРУГОЇ ПОЛОВИНИ XIX – ПОЧАТКУ XX ст.: ВПЛИВ ЗАРУБІЖНОЇ ІНТЕЛЕКТУАЛЬНОЇ ТРАДИЦІЇ

Проаналізовано основні підходи до вивчення історії українського селянства, репрезентовані в сучасній українській історіографії.

Ключові слова: історіографія, селянство, інтелектуальна традиція.

Проанализированы основные подходы в изучении истории украинского крестьянства, представленные в современной украинской историографии.

Ключевые слова: историография, крестьянство, интеллектуальная традиция.

Main approaches to Ukrainian peasantry studies in contemporary Ukrainian historiography are analyzed.

Key words: historiography, peasantry, intellectual tradition.

Певна парадоксальність щодо історії селянства полягає в тому, що попри постійне наголошення важливості її вивчення для розуміння української історії [2, с. 125; 7, р. 43] серед іншої проблематики вона займає далеко не пріоритетне місце. Водночас останнім часом її популярність істотно зросла, стимульована не лише цікавістю до недосліджених сюжетів, а й потребою переосмислення історії українського селянства і підходів до неї, зокрема в контексті зарубіжної селянознавчої історіографії. Не претендуючи на вичерпність, дана стаття має за мету окреслити основні тенденції вивчення одного з історіографічно найпопулярніших періодів історії українського селянства – другої половини XIX – початку XX ст. – спираючися на матеріали трьох найгрунтовніших досліджень останніх років.

© Т. В. Портнова, 2010